

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (XI–XVII вв.)¹**

При поддержке РГНФ - грант № 10-04-12134в

Русская историческая лексикография имеет уже более чем полуторасталетнюю историю: срок достаточный, чтобы судить о ней *sub specie aeternitatis* — без гнева, пристрастия и лицепрятия².

Первый словарь, отражавший лексику древнерусско-церковнославянских памятников, был завершен Александром Христофоровичем Востоковым (1781–1864) в 1856 г. и издан в 1858–1861 гг. [Востоков 1858–1861], после сорока лет собирательской работы [Цейтлин 1958: 62]. Немедленно по выходе этот труд был включен Францем Миклошичем (1813–1891) в круг источников его второго церковнославянского словаря [Miklosich 1862–1865]: востоковские цитаты из древнерусских рукописей (с сокращением «vost.») существенно дополнили материалы Миклошича; как отметил А.И. Соболевский, «на страницах словаря Миклошича, в том или другом виде, беспрестанно встречается имя Востокова» [Соболевский 1914: 129; 2006: 546]. «Поразительно разнообразно и количественно грандиозно для одного человека было уже самое число источников, использованных автором в своей работе. Востоков подробнейшим образом, со свойственной ему тщательностью, изучил и расписал более 130 рукописей XI–XVIII вв., им были изучены и все изданные к тому времени памятники старинной славянской письменности» [Цейтлин 1958: 63]³. Естественно, однако, что пионер славянской филологии не мог отразить в своем первом опыте лексикографического описания русско-церковнославянских памятников все их лексическое богатство, — его задачей было прежде всего введение в научный оборот огромного массива неизвестных науке слов, без подробной семантической и источниковедческой разработки; кроме того, в соответствии с лексикографической практикой своего времени ученый не считал нужным точно атрибутировать выписки из рукописей: иллюстративный материал Востокова, хотя и нередко снабженный исчерпывающими определениями, верными греческими параллелями и указаниями на древнейшие фиксации, все же, как правило, нуждается в верификации — но именно эта верификация и представляет значительную

¹ Статья основывается на публикациях [Крысько 2007а; 2007б].

² Далее речь идет только об изданиях, охватывающих древнерусский (XI–XIV вв.) и среднерусский (XV–XVII вв.) периоды либо весь период с XI по XVII в.; словари хронологически более ограниченные и словари к отдельным памятникам в статье не рассматриваются.

проблему, так как поиск цитаты, например, из Лествицы без указания на конкретный список и лист рукописи необходимо предполагает пристальный просмотр нескольких тысяч листов нескольких рукописей, т. е. требует значительных усилий, далеко не всегда оправданных.

Неудивительно, что выход в свет «Словаря церковнославянского языка» отнюдь не остановил лексикографических трудов другого великого русского филолога — Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880), который всю вторую половину своей жизни, с 1847 по 1880 г., работал над «Словарем древнего русского языка», или «Словарем русского языка книжного и народного по древним памятникам» [Срезневский 1893, I: I]. Еще 9 февраля 1849 г. Срезневский выступил на годичном торжественном собрании Санкт-Петербургского университета с речью «Мысли об истории русского языка», которая, собственно, и заложила теоретические основания русской исторической лексикографии. Среди других задач, стоящих перед исторической русистикой, ученый назвал, в частности, создание словарей отдельных памятников письменности, а затем, на их основе, и общего исторического словаря [Срезневский 1959: 80–81]. В дальнейшем, ознакомившись с неисчерпаемым богатством восточнославянских источников XI–XIV вв.⁴ и едва подступившись к поистине необозримому корпусу более поздних текстов (XV–XVII вв.), Срезневский, очевидно, понял, что задача интенсивной лексикографической обработки материала, т. е. создания, «при сличении лучших списков», «особенно полного и подробного словаря» «каждого из старых памятников языка» [Срезневский 1959: 80], — невыполнима. Не только в середине XIX в., но и сейчас наука не располагает публикациями древних памятников, которые в полной мере отвечали бы максималистским требованиям ученого, и восточное издание Остромирова евангелия [Востоков 1843] до сих пор остается во многом непревзойденным, хотя никакой речи о «сличении лучших списков» даже в этом образцовом издании нет. Перед исторической русистикой стояла дилемма — накапливать, в соответствии с первоначальными начертаниями Срезневского, исчерпывающий материал по отдельным памятникам (что даже и в благоприятных для историко-лингвистической науки условиях Российской империи лишь в немногих случаях увенчалось выдающимися результатами⁵) или перейти к экстенсивным изысканиям — без предварительного филологического анализа и

³ Для сравнения: в первом издании словаря Миклошича [Miklosich 1850] отражены 30 рукописей и 22 издания [Цейтлин 1958: 63].

⁴ В начале XX в. А.И. Соболевскому было известно более 500 древнерусских рукописей [Соболевский 1907: 5]; в настоящее время их количество определяется в пределах 1000 [Столярова 2000: 13, 37].

⁵ Имеются в виду, помимо упомянутого издания Остромирова евангелия, публикация Новгородских служебных миней И.В. Ягичем [Ягич 1886], новгородских и двинских грамот — А.А. Шахматовым [Шахматов 1885–1895; 1903], Ефремовской кормчей — В.Н. Бенешевичем [Бенешевич 1906–1907], а также «Александрия» В.М. Истрина [Истрин 1893], «Пчела» В.А. Семенова [Семенов 1893], «Повесть об Акире Премудром»

публикации отразить в общем историческом словаре лексику как можно более широкого круга текстов — либо по рукописям, либо на основе уже имеющихся изданий, далеко не всегда удовлетворительных. Такой экстенсивный путь заведомо вел к недостаточно высокому уровню лексикографической обработки материала — но в то же время обеспечивал исследователей отдельных памятников по крайней мере общими сведениями о том, какие лексемы и в каких значениях фигурировали в древней письменности.

Именно по этому пути и пошел сам И.И. Срезневский. Представив в ряде работ обзор обширного рукописного наследия Древней Руси [Срезневский 1863; 1867–1881; 1882], он параллельно собирал материал для словаря древнерусского языка — и вплоть до самой смерти систематизировал и комментировал контексты из памятников, которые должны были послужить основой словаря. Ученый скончался в возрасте 67 лет, 9 февраля 1880 г., в годовщину произнесения им речи «Мысли об истории русского языка», не завершив титанической работы над словарем и не оставив последователей, сопоставимых с ним по знаниям и трудолюбию. Карточки, выписанные Срезневским из рукописей, а членами его семьи и учениками — из указанных им публикаций, и составили, будучи распределенными по значениям и хронологии, то, что младшие Срезневские, Ольга Измайловна и Всеволод Измайлович, издали в 1893–1912 гг. как «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского». Принимая решение об издании далеких от завершения материалов, Второе отделение Императорской академии наук выразило желание «не слишком затруднять приведение Словаря в порядок различными требованиями его улучшения» [Срезневский 1893, I: VIII]. В результате историческая русистика получила относительно полный, от А до Я, лексикографический справочник, отражающий в первую очередь словарный состав древнейших источников — XI–XIV вв.; тексты более позднего периода представлены в «Материалах» крайне спорадически. Сейчас, по прошествии стольких лет, отдавая всю дань уважения и признательности нашему второму Далю, создавшему действительно монументальное творение, без которого до сих пор не может обойтись ни один славист, следует все же признать, что многое в словаре Срезневского — или, точнее, в том труде, который Академия наук опубликовала под именем Срезневского, — соответствует донаучному уровню русского исторического языкознания. В самом деле: главные работы по истории русского языка — «Очерки», «Лекции», многочисленные статьи А.И. Соболевского [Соболевский 1884; 1888; 1907] (см. также [Соболевский 2006]) и исследования А.А. Шахматова [Шахматов 1885–1895; 1903; 1915] (см. также [Шахматов

А.Д. Григорьева [Григорьев 1912] и нек. др. (при том что ни одно из этих изданий не сопровождается словарем или даже словоуказателем).

1957]) — т. е. те труды, на которых, собственно, и основывается историческая русистика как наука и как часть сравнительно-исторического славянского и индоевропейского языкознания, — вышли в свет практически одновременно с печатанием «Материалов», но не оказали на словарь абсолютно никакого влияния. «Не затрудняясь улучшением» того, что сам Срезневский отнюдь не считал готовым к печати, издатели сохранили все недостатки его лексикографических материалов, обусловленные самим уровнем развития нашей молодой науки в 60–70-е гг. XIX в., — и прежде всего неопределенность источниковедческой базы и невыверенность приводимых данных. Хотя техника подачи цитат в словаре Срезневского — с распределением по значениям, хронологии, с более или менее точной адресацией — представляет собой огромный шаг вперед по сравнению со «Словарем церковнославянского языка» А.Х. Востокова и «Лексиконом» Ф. Миклошича, иллюстративный материал Срезневского все же во многих случаях остается неверифицируемым: либо повторяются глухие отсылки Востокова (при том что сверка цитаты, например, из Лествицы XII в. — имеется в виду рукопись РГБ, Рум. 198 — практически невозможна без сплошного просмотра всего более чем 400-страничного кодекса), либо указывается только название сочинения без каких-либо данных о рукописи (ср. цитату из некоего «Григ. пап.» в статье **станице** или пример из «Жития Александра Македонского» s. v. **въдълѣ** [вместо **въдълѣ**], который лишь после долгих поисков удалось обнаружить — причем с иным написанием заглавного слова — в «Александрии» в составе Хронографа по списку XVII в. [РГБ, Рум. 456, л. 185], см. [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 366]). Недостаток знаний по исторической грамматике и фонетике, накапливавшихся главным образом в эпоху после Срезневского, в ряде случаев обусловил некорректную — с точки зрения современной науки — подачу заголовочных слов, в частности, реконструкцию неверных инфинитивов (**измълѣсти** вместо **измълѣсти**, **върпѣсти** вместо **врѣти**, **сопѣсти** вместо **соти**, **чърѣсти** вместо **чрѣти** и т. п.), ошибочную вставку **ѣ** в прилагательные и существительные, у которых исконно суффикс **-н-** был безъеревым (**рѣсьнота**, **тѣсьнын**, **ясьнын**), «раздвоение» лексем, претерпевших фонетические изменения (ср. **смѣти** и **сьмѣти**), вынесение в заголовок не нормализованных форм, а встречающихся в письменности орфографических вариантов (**ѡвъѣствьнѣ** вместо **ѡвъѣствьнѣ**). Наконец, при всей обширности материала, включенного в словарь, он не отражает, видимо, и половины реального корпуса древнерусских письменных источников XI–XIV вв., не говоря уже о памятниках XV–XVII вв., в принципе не подвергавшихся сколько-нибудь последовательной лексикографической обработке. Но даже и тот материал, который нашел отражение в словаре, далеко не всегда представлен адекватно: отчасти — по той причине, что большинство памятников этого времени как были, так и остаются неизданными, отчасти — потому, что издания XIX в., на которые опирался в

своих выписках Срезневский, в основном находятся ниже всякой критики (и графика, и орфография чаще всего упрощены, конъектуры издателей, нередко произвольные, не оговорены и тем самым выдаются за подлинный древнерусский текст), отчасти — потому, что переводной характер подавляющего большинства древнеславянских сочинений, дошедших до нас в рукописях XI–XIV вв., требовал сверки переводов с греческими (иногда латинскими) оригиналами, каковая, естественно, далеко не всегда проводилась в момент выписки цитат из рукописей. В качестве иллюстрации того, насколько ненадежным, к сожалению, может быть материал «Материалов», приведем одну цитату из статьи **сръдохръстьнии**: **Ѣ понеѣлника сръдохръстьныа неА до патка, иеце блаженномъ поемомъ, възимають Ѣ съсоудохраниница крьс и полагаетьсѧ въ цркви и по покланании абиѣ възимаетьсѧ. Уст. XII в. 5.** Найти этот контекст по отсылке довольно трудно: судя по современному научному изданию Студийского устава конца XII в. [Пентковский 2001: 242], он представлен не на л. 5, а на л. 15 об.; при сверке же оказывается, что около 20 букв (подчеркнутых нами) воспроизведены неверно, пунктуация произвольна, а часть текста опущена без обозначения пропуска; в действительности фраза выглядит следующим образом: Подобаетъ вѣдѣти. како Ѣ понелъниг. тоа сръдохръстьныа неА. до патъг. по коньчании деватаи час. иеце бл;ньномъ поемомъ. възимають Ѣ съсоудохранильница крсть. и полагаетьсѧ въ цркви. и по покланании абиѣ възимаетьсѧ. Попутно обнаруживается, что на той же странице словаря 29 цитат (т. е. подавляющее большинство) приведены без указания листов рукописей — в лучшем случае с отсылкой к главе и стиху библейской книги (например, *Иез. XII. 2 (Упыр.)* или *Числ. XIV. 44. Волог. сб. XV в.*) либо к году летописной записи, в худшем — с отсылкой к словарю Востокова, по которому далеко не всегда можно установить даже рукопись.

В итоге историческая русистика, бурно развивавшаяся именно в 1880–1910-е гг., обрела такое лексикографическое пособие, которое уже не соответствовало ее требованиям и достижениям, хотя, разумеется, и предоставляло в распоряжение исследователей массу нового, но нуждающегося в перепроверке материала. Нетрудно понять корифеев отечественного языкознания, не решавшихся взять на себя сизифов труд создания нового словаря до тех пор, пока не будут расчищены авгиевы конюшни исторической грамматики и текстологии. Основное внимание Алексея Ивановича Соболевского (1857–1929), Алексея Александровича Шахматова (1864–1920) и их учеников было направлено на научную обработку памятников с фонетической, грамматической и общефилологической точки зрения: необходимо было уяснить хронологию языковых изменений, определить и объяснить диалектные особенности в древнерусском языке, ввести в научный оборот новые важные

источники (в том числе грамоты) — и лишь тогда можно было приступать к созданию качественно нового исторического словаря.

Сознавая отставание исторической лексикографии от уровня и потребностей славянской филологии, лучший знаток рукописей академик А.И. Соболевский уже в начале XX в. пришел к мысли о том, что «одной из насущных потребностей славяноведения является издание церковнославянского Словаря», который «должен иметь в виду данные только древнейших текстов (тексты славянских первоучителей, их учеников и продолжателей этих учеников, т. е. Иоанна экзарха Болгарского и вообще кружка царя Симеона — до первой пол. X века включительно)», причем по древнейшим спискам — XI–XII вв., и лишь «за неимением столь старых списков можно пользоваться и позднейшими» [Предварительный съезд 1903: 14]. При обсуждении этого проекта на Предварительном съезде русских филологов в 1903 г. ряд ученых, «с И. В. Ягичем во главе», настоял на внесении в словарь материала памятников не только IX и X, но и XI и XII вв. [Там же: 53, 121]. Было решено к съезду 1904 г. «издать список церковнославянских памятников, оригинальных и переводных, с указанием их лучших списков» [Там же: 121]. Все эти решения остались, однако, лишь благими пожеланиями: русско-японская война 1904–1905 гг. и первая русская революция 1905–1907 гг. заметно ослабили интерес научной общественности к проблемам исторической лексикографии, и в межреволюционный период к этим планам уже не возвращались.

А в 1917 г. расцвету русского исторического языкознания был положен конец. Надорвавшийся от непосильных — и отнюдь не ученых — трудов академик А.А. Шахматов, который был вынужден делить свои часы между переноской тяжестей и хлопотами об арестованных или голодающих коллегах, скончался в 1920 году. А.И. Соболевский в 1918 г. провел несколько месяцев в заключении, в ожидании расстрела [Робинсон 2004: 28], и по освобождении нашел свою квартиру разграбленной, а «громадный и заботливо составленный архив» — уничтоженным [Алексеев 1980: 3]. Не было счастья, да несчастье помогло: оставшись без десятилетиями собиравшихся выписок из рукописей, ученый приходит к мысли о необходимости заново расписывать памятники и создавать новые исторические словари, в частности существенно дополненный словарь древнерусского языка и словарь языка Московской Руси, и обращается в Академию наук с докладной запиской о составлении словарей древнерусского и старорусского языка [Соболевский 1960; 2006: 413–414]. Во все более сгущающейся атмосфере притеснений доживающее свои последние годы Отделение русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС) создает Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку (1925 г.), которую и возглавил Соболевский, объединив вокруг себя группу высококвалифицированных филологов и историков. Сам он

расписал и переслал из Москвы в Ленинград более 100 тысяч карточек [Словарь 2001: 209], которые и сейчас еще, в подреставрированном виде, сберегаются в Картотеке Древнерусского словаря (КДРС) — подсобной картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв.: это узенькие полоски бумаги, вырезанные из официальных бланков исчезнувших после революции учреждений и организаций, со сверхкраткими контекстами. В 1927 г. было упразднено ОРЯС, Комиссия превратилась в подкомиссию, перспективы словаря становились все более туманными. В 1929 г. Соболевский умер, и сменивший его академик Михаил Несторович Сперанский (1863–1938) продолжал работу над сбором выписок — но в 1934 г. был арестован как глава мифической «Русской национальной партии», лишен звания академика и через четыре года, в годовщину ареста, скончался [Ашнин, Алпатов 1994: 100]. Вместе с ним были репрессированы видные ученые, достойные преемники Соболевского и Шахматова, в том числе непосредственно участвовавшие в создании Древнерусской картотеки Д.И. Абрамович, И.А. Виноградов, В.Ф. Ржига, А.Д. Седельников, А.М. Селищев, Н.Л. Туницкий. Одни, как В.Н. Бенешевич, Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, Н.Л. Туницкий, погибли, пав жертвами чекистского Молоха, кто-то остался в живых, но был надломлен — и никто из проходивших по «делу славистов» и аналогичным «делам», даже те, кто дожил до 60–70-х годов, так и не вернулся к лингвистическому изучению древних памятников: наступило время, когда даже рукописи давно покойного историка-фонетиста Л.Л. Васильева, сохранявшиеся в его семье, из страха уничтожались — «упоминания Евангелия, Апостола, Псалтыри, рассмотрение церковнославянской лексики могло быть воспринято властями как состав преступления» [Отцы 2004: 300].

Неудивительно, что в цитадели «марксистского» (на самом деле марристского) языкознания — Ленинграде — продолжение работы по формированию словарной картотеки и созданию словаря, руководство которой перешло теперь к Борису Александровичу Ларину (1893–1964), *volens nolens* должно было сопровождаться заклинаниями о необходимости «провести... принципы нового учения о языке», «чтобы вскрыть стадияльные отношения в семантике слова» [Словарь 2001: 23]. Широкие планы Соболевского подвергаются забвению: коль скоро палеорусисты ликвидированы («иных уж нет, а те далече») — все древнерусское (не говоря уже о церковнославянском) становится подозрительным, и усилия молодых лексикографов, собравшихся вокруг Б.А. Ларина, сосредоточиваются на «обиходном языке» московского периода, с далекими выходами в XVIII и даже XIX век⁶. Из русской

⁶ Поздним отголоском этого этапа в развитии русской исторической лексикографии стал выход основанного на принципах 1940-х гг. и вполне студенческого по исполнению «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (вып. 1, СПб., 2004), см. [Крысько, Романова, Чернышева 2006]; ср.,

исторической лексикографии устранены специалисты с опытом изучения древних рукописей, новое высшее образование, призванное выкорчевать в молодом поколении воспоминания о проклятом прошлом с его лженауками, — все эти «словесные отделения ГИИИ», «этнолого-лингвистические факультеты» etc. — просто не в состоянии дать основательные историко-лингвистические знания, и в центр лексикографической работы на десятилетия становится расписка изданий памятников, что, с учетом далеко не всегда высокого уровня этих изданий⁷, не могло не снижать качества словарных разработок. Примечательно, что разрастающаяся из года в год картотека (к 1940 г. она включала уже более 900 тыс. карточек [Словарь 2001: 29]) практически, за небольшими исключениями, не пополнялась богатейшим материалом ленинградских рукописных собраний, который — от Сийского евангелия до Палеи Alexandro-Невской лавры, от Толстовского сборника до Паренесиса Ефрема Сирина — до сих пор остается *terra incognita* в исторической лексикографии. В 1940 г. академик С.П. Обнорский (1888–1962), один из выживших могижан старой школы, не прекращавший занятий историей языка — хотя и с неизбежными реверансами новой идеологии, настоял на возвращении к первоначальному плану словаря, который «должен явиться нормальным изданием... со всей полнотой отражая лексическое состояние русского языка за период с XI до второй половины XVIII в.» [Словарь 2001: 29]. Однако последующие тяжелые годы были нелегкими и для русской исторической лексикографии: в 1948 г. состояние работы в Группе Древнерусского словаря было признано «неблагополучным» [Словарь 2001: 33], в 1949 г. член-корреспондент АН УССР Б.А. Ларин был заменен членом-корреспондентом АН СССР С.Г. Бархударовым (1894–1983), в 1952 г. составление словаря вообще было приостановлено, а картотека, превысившая к этому времени миллион карточек, перевезена в Москву. В 1958 г. работа над словарем, со Степаном Григорьевичем Бархударовым в качестве главного редактора, возобновилась в новообразованном Институте русского языка АН СССР.

Не говоря уже об организационных трудностях, связанных с переносом историко-словарной работы из Ленинграда в Москву (исчезновение ряда ящиков, отсутствие на новом месте подсобной библиотеки текстов), «новое начало» в русской исторической лексикографии в принципе не могло быть особенно многообещающим. Гальванизация историко-лингвистических исследований, предписанная свыше после знаменитой дискуссии 1950 г., не могла воскресить Дурново, Селищева и Ильинского и восстановить прерванную

впрочем, публикацию пяти положительных рецензий на выпуск в сборнике, изданном редактором и «научным координатором» словаря [Русское слово 2005].

связь времен. Историко-словарную работу возглавили не ученики Шахматова, выжившие в годы марристско-чекистских репрессий, — В.В. Виноградов и С.П. Обнорский, а новая, уже советская генерация ученых, специализировавшихся по современному литературному и диалектному языку и не имевших никакого опыта работы с памятниками. Если в течение ста лет составление исторических словарей осуществлялось или по крайней мере координировалось крупными специалистами в области истории русского языка и письменности, то теперь этой работой стал руководить функционер, получивший свою единственную ученую степень кандидата филологических наук без защиты диссертации, не написавший ни одной научной книги, автор статей вроде «Новая эра в языкознании» и «Сталинский этап в развитии советского языкознания» [Словарь 2001: 70–71]. Еще более неблагоприятной стала «кадровая ситуация»: московская молодежь, пришедшая в коллектив С.Г. Бархударова, получила высшее образование после долгой эпохи марристского безвременья, когда русская филология была обескровлена, когда само понятие истории языка подменялось псевдосоциологическим бредом, когда курс старославянского языка изгонялся из университетских программ, когда образование новых лидеров науки ограничивалось «неофициальным посещением специальных курсов и семинариев» и экстернатурой «за курс литературного отделения этнологического факультета» [Отцы 2004: 354].

Личностный фактор сыграл свою роль и в отказе от идеи о едином историческом словаре русского языка. Параллельно с возобновлением работы над словарем XI–XVII вв. в том же Институте русского языка по инициативе и под руководством члена-корреспондента АН СССР Рубена Ивановича Аванесова (1902–1982) стала интенсивно составляться картотека принципиально нового словаря, охватывающего более узкий, древнерусский период (XI–XIV вв.). Главные отличия задуманного Аванесовым Словаря древнерусского языка [СДРЯ] и от «Материалов» Срезневского, и от судорожно создававшегося с 30-х годов словаря Ларина — Бархударова состояли в следующем: а) был задан строго определенный корпус источников; б) значительная часть этих источников подвергалась сплошной расписке; в) на основе сплошной выборки устанавливалась статистика употреблений; г) в противоположность постоянно менявшимся в зависимости от конъюнктуры принципам словаря XI–XVII вв. новый древнерусский словарь должен был основываться на строго унифицированной системе подачи форм и цитат; д) заглавная форма слова ориентировалась не на позднейшие фиксации, а на «морфемный и фонемный состав слова в древнейший из охватываемых словарем период» [СДРЯ, I: 11]. Основу картотеки должны были составить

⁷ Последними достижениями дореволюционной эдиционной школы стали трехтомное издание Хроники Георгия Амартола, осуществленное В.М. Истриным, буквально времени вопреки, в 20-е годы [Истрин 1920–

собственно древнерусские памятники, расписанные во всей полноте, — грамоты, летописи, надписи, записи в рукописных книгах, жития русских святых, памятники древнерусского права, а также ряд церковно-книжных источников, которые со времен известной работы А.И. Соболевского [Соболевский 1897] считались по происхождению восточнославянскими переводами либо даже оригинальными сочинениями (например, Изборник 1076 г., Хроника Георгия Амартола, Пандекты Никона Черногорца, Житие Феодора Студита и нек. др.). Особенно существенным вкладом в историческую русистику было введение в научный оборот значительного массива рукописей, до той поры почти или совершенно не исследованных: Студийского устава, Ярославского молитвенника, Огласительных поучений Феодора Студита, Жития Варлаама и Иоасафа, прологов, ряда сборников.

Следует признать, однако, что в целом основательно продуманный план Р.И. Аванесова заключал в себе внутренние противоречия. С одной стороны, словарь был призван отражать лексику памятников древнерусской письменности восточнославянского происхождения, с другой стороны — в число его источников включались памятники, которые уже и в 50-е гг. едва ли могли рассматриваться как автохтонные, например, Ефремовская и Рязанская кормчие, Пандекты Антиоха по Троицкому сборнику XII–XIII вв. (почему-то не по списку XI в., с которого переписывался Троицкий), Слова Григория Богослова, Закон судный людям — т. е. тексты инославянского, чаще всего болгарского происхождения. Фиксируя лексику древнерусских надписей и записей (впервые столь полно представленных в лексикографическом описании), летописей и житий, словарь игнорировал тот факт, что эти тексты могут включать цитаты из Св. Писания и отцов церкви, восходящие к тем же южнославянским переводам, на которых основывались изъятые из корпуса источников богослужебные и богословские книги. Ограничение хронологических рамок словаря началом XV в., продиктованное ориентацией на фонетико-грамматические особенности, привело к тому, что целый ряд древних текстов заведомо (или вероятно) восточнославянского происхождения, дошедших до нас в списках XV–XVII вв., оказался вне описываемого «древнерусского языка» (например, Хождение игумена Даниила, Моление Даниила Заточника, переводы Жития Андрея Юродивого, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и др.). Статистическая презентация материала, сама по себе весьма похвальная, была ограничена тем, что многие источники (прежде всего сборники) расписывались все же не полностью, а выборочно.

Обоснованная критика проекта нового словаря [Словарь 1966], прозвучавшая в 1968 г. со страниц «Вопросов языкознания» в статье безусловно крупнейшего русиста

послереволюционного периода — В.В. Виноградова (1895–1969), к сожалению, прошла втуне, а сам Виноградов в том же году был свергнут с поста директора Института русского языка. Вывод статьи: «Составление древнерусского словаря требует основательной историко-литературной подготовки, глубокого знакомства с исторической лексикологией и семасиологией и широкого этимологического кругозора» [Виноградов 1968: 22] — остался в числе *desiderata* русской исторической лексикографии. Дальнейшее ее развитие происходило, как ни печально, в условиях научного и вненаучного соперничества двух словарей — XI–XVII вв. и XI–XIV вв., не только не взаимообогащавших друг друга, но, можно сказать, взаимно отталкивавшихся⁸, — и говорить об этом приходится сейчас невзирая на лица, титулы и заслуги, поскольку учиться на ошибках прошлого можно лишь вскрыв и проанализировав эти ошибки.

В действительности ни у того, ни у другого словаря не было оснований для притязаний на исключительность или превосходство. Оба были больны одной и той же болезнью, имя коей — незрелость. Юные сотрудники, вчерашние студенты московских и периферийных вузов, пришедшие в спешно создававшиеся словарные коллективы, должны были совмещать каторжную (что в принципе естественно и хорошо известно со времен Скалигера) словарную работу с подготовкой диссертаций: активность в одном направлении тормозила работу в другом (показательно, что большинство докторов наук, начавших свою ученую карьеру с расписывания карточек и составления словарных статей, защитили диссертации уже после ухода из словарей). Поскольку, как уже говорилось, историко-лингвистическое образование в 50-е годы возрождалось из руин, многое из того, что было само собой разумеющимся до революции, оказалось бесследно утраченным. В первую очередь это относится к необходимому для историко-словарной работы знанию средневековой культуры, зиждившейся на христианстве. Создатели исторических словарей, призванных заменить «Материалы» Срезневского, в силу господства атеистической идеологии не знали ни Св. Писания, ни творений отцов церкви, не могли распознать библейские цитаты и аллюзии, не понимали византийских и древнерусских реалий. С другой стороны, многолетнее выкорчевывание сравнительно-исторического языкознания, с его точным исследовательским инструментарием и опорой на позитивное знание, привело к тому, что новое поколение историков-лексикографов как бы вернулось на уровень до Срезневского⁹, а порой даже и к довостоковскому языкознанию: не было редкостью

⁸ Ср., например, совмещение откровенной саморекламы Словаря XI–XVII вв. с едва завуалированной критикой по адресу СДРЯ в двух наспех изготовленных очерках, вошедших в книгу [История 1998: 503–522].

⁹ Примечательно публичное заявление одной — ныне покойной — коллеги (1994 г.): «У Срезневского тоже были ошибки, а он — великий ученый».

неумение реконструировать редуцированные или ять, восстанавливать инфинитив или парадигму настоящего времени, правильно склонять существительные или местоимения. Наконец, обращение к рукописным источникам — систематическое в словаре Аванесова, спорадическое в словаре Бархударова — выявило существенные трудности при словоделении, т. е. при распознавании слов, следствием чего стало возникновение в словарях целого ряда лексем-призраков, обязанных своим существованием только неверной выписке.

Все недостатки, все проблемы роста стали немедленно обнаруживаться по мере выхода словарей в свет. С существенным опережением начал издаваться — не в последнюю очередь благодаря незаурядным менеджерским способностям руководителей — Словарь русского языка XI–XVII вв., хотя за время, прошедшее от перемещения картотеки в Москву до выхода 1-го выпуска, концепция словаря дважды менялась: сначала, в условиях отсутствия «опытных лексикографов, способных работать над историческим словарем», группа взялась за составление «Словаря старорусского языка XV–XVII вв.» в двух томах, потом приступила к созданию «Малого древнерусского словаря XI–XVII вв.» (МДРС) в трех томах, и наконец было решено считать МДРС не малым, а «нормальным академическим словарем» под названием «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (сокращенно СлРЯ XI–XVII вв.) [Словарь 2001: 40, 43, 45]; впрочем, и в процессе издания словаря представления о его объеме, структуре и назначении продолжали время от времени изменяться.

Первые четыре выпуска словаря, вышедшие один за другим поистине стахановскими темпами в 1975–1977 гг., до такой степени удивили научную общественность, прежде всего зарубежную, что в одной из вышедших на Западе рецензий библиотекарям было всерьез рекомендовано снабжать издание предупредительным знаком, указывающим на «вредность» (injurious) его для пользователей [Keenan 1978: 20], в другой рецензии словарь был расценен как «скандально плохой» и «ненадежный на всех уровнях» [Lunt 1979: 920]¹⁰. И в самом деле — не мог не вызвать изумления словарь, в котором, например, слово *азъ* в, казалось бы, всем известной — и тем не менее не отождествленной — цитате «Азь есмь алфа и омега» (Откр 1.8) определялось как «название буквы славянского алфавита»; оставляли желать лучшего и многие другие толкования (см. [Исаченко 1976: 68–75]). Хотя в качестве заголовка

¹⁰ Заметим, правда, что и сами рецензенты в пылу критического задора не всегда были в состоянии удержаться от ошибок, порой такого же уровня, какой инкриминировался словарю. Так, А.В. Исаченко, упрекая составителей словаря в незнании истории, не затруднился заявить, что в документе 1695 г. «речь идет о прусском короле Фридрихе III» [Исаченко 1976: 71], тогда как бранденбургский маркграф и курфюрст Фридрих III стал прусским королем (под именем Фридриха I) только в 1701 году. Г. Лант, возражая против определения в статье **въшитися**, при котором собственно глагол (‘быть одетым’, букв. ‘зашиться’) остается без толкования, ничтоже сумняшеся соотнес этот глагол со словом *въшь* и приписал ему значение ‘завшиветь, быть зараженным вшами’ [Lunt 1979: 922], ср. контекст: казанцы... обогатъша, и хъ тому не ходити имъ во овчиняхъ кожахъ вшивъшимся, но въ красныхъ ризахъ... (Казанский летописец, 230).

словарной статьи была выбрана форма, отражавшая фонемный облик слова в конце описываемого периода (XVII в.), это обстоятельство, на первый взгляд облегчавшее работу лексикографов и освобождавшее их от необходимости восстановления первоначальных форм по поздним фиксациям, к сожалению, не предоохранило авторов и редакторов от ошибок в употреблении *ѣ* и в установлении правильных начальных форм глаголов и существительных. Так, например, статья **ашера**, ж. *Язва* в действительности содержит форму существительного мужского рода *ашеръ* ‘змея, ящер’ [Исаченко 1976: 70]; в заголовках статей **безмень**, **бессемейный**, **бестелесный**, **бестление**, **братоненавидение**, **брезгъ**, **вѣрнорадательный**, **вѣстоватый**, **взгребатель**, **взгребати**, **вздремати**, **взлетание**, **взлетати**, **влѣтати**, **возлегание**, **возлегати**, **возленигтися** подчеркнутые нами *ѣ* следовало бы заменить на *ѣ*, а в статьях **вечероѣдѣние**, **видѣць**, **возвѣрг-**, **возвѣргз-**, **возлежѣние** — наоборот, *ѣ* на *ѣ*; отсылочная статья **влѣти** вообще не имеет права на существование, так как основа *влѣ-* представлена только в настоящем времени глагола *влияти*; формы глагола *воздаяти* помещены под **воздати** и наоборот, формы глагола *воздѣти* — под **воздѣвати**, *воздѣяти* — под **воздѣти**; вместо **взволочитися** заголовок должен был бы иметь вид **взволочися**, вместо **взместися** — **возмястися** и т. д. Сравнение Картотеки с опубликованными томами словаря показывает, что долгие годы насаждавшееся в СССР настороженное и прямо враждебное отношение ко всему «церковному», в том числе и к церковнославянскому, крайне негативно сказалось на представлении в словаре лексики церковно-книжных памятников. Лишь благодаря выходу в 2006 г. Дополнений к 1-му выпуску словаря, подготовленных М. И. Чернышевой, стало ясно, какой пласт древних образований, например, с корнями *благ-* и *бог-*, оставался вне поля зрения исторической лексикографии [Сл XI–XVII, 27: 239–248, 251–273; Словарь 2006: 25–34, 37–59].

«Организационная» реакция на критику последовала только в 1980 г., когда С. Г. Бархударова на посту главного редактора словаря сменил директор Института русского языка член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин (1908–1982); затем этот пост занял академик Д. Н. Шмелев (1926–1993), а с 1989 по 2003 г. словарь возглавляла доктор филологических наук Г. А. Богатова (выступавшая как редактор словаря начиная с 1-го выпуска).

Отрадно констатировать, что примерно с 10-го выпуска научный облик словаря стал меняться. Связано это с накоплением знаний и опыта многими сотрудниками словаря, с появлением молодых и квалифицированных работников, с переходом — к сожалению, непоследовательным — к тому, что можно было бы назвать монографическим редактированием: в идеальном случае за том отвечает один квалифицированный редактор, который обеспечивает унифицированность в подаче материала (ср. выпуски 10, 11 и 22,

отредактированные А.Н. Шаламовой). Принципиально изменилось отношение к цитатам из переводных памятников: с каждым новым томом расширяется круг источников, к которым удалось установить греческие, латинские, немецкие и т. д. оригиналы, а следовательно — более доказательным становится толкование слова, выяснение исконного или заимствованного характера тех или иных его значений. Расширился и корпус древнерусских источников словаря: хотя в картотеке, насчитывающей теперь более 2 млн. карточек, на долю памятников XI–XIV вв. приходится всего 50 тыс. [Словарь 2001: 42], цитаты из многих древнерусских памятников, изданных в последние десятилетия, включаются в словарь непосредственно, минуя картотеку, на основе словоуказателей, приложенных к изданиям. Правда, на этом пути есть свои подводные камни: к сожалению, не все издания древних памятников, вышедшие после отмены табу на церковные книги, отвечают элементарным требованиям к публикациям подобного рода — достаточно вспомнить объемистый «Успенский сборник XII–XIII вв.», который включает по преимуществу сочинения, переведенные с греческого, но издан как целиком оригинальное славянское произведение, без каких-либо указаний на греческие источники¹¹ и без попыток соотнести словоделение славянского текста с греческим. Результатом такого небрежного отношения к эдической деятельности являются досадные ошибки, один перечень которых составляет почти 70 страниц [Носк 1986: 102–169]¹² и которые, по верному замечанию А.В. Исаченко, свидетельствуют о том, что «издатели памятника просто не справились с элементарной грамматической интерпретацией текста, превратно толкуя ряд простейших форм» [Исаченко 1976: 68]. Задача лексикографов состоит не только в том, чтобы извлечь форму из словоуказателя к изданию, но и в верификации этой формы: так, например, словосочетание *избитии рода*, обнаруживаемое в издании и отраженное в словоуказателе [Успенский сборник 1971: 427, 580, 683], на поверку оказывается формами *избити* и *Ирода*, относящимися к разным словосочетаниям [Носк 1986: 128, 150; Крысько 1994: 107], тогда как три слова, выделенные в издании: *четырь дѣнь на* [Успенский сборник 1971: 425, 558, 740] — в действительности представляют собой одно сложное прилагательное *четырьдѣнна* ‘четырехдневного’ (о Лазаре, воскрешенном через 4 дня после смерти, см. Ин 11.17) — кальку греч. *тетраήμερον* [Носк 1986: 118, 166; Крысько 1994: 23]¹³; даже извлечение

¹¹ См. их новейший сводный список в статье [Alberti 2005].

¹² Ошибки в этом издании продолжают обнаруживаться: ср., например, словоделение *и коньскыи образъ* вместо *иконьскыи* [Кривко 2005: 263].

¹³ Любопытно, что эта трактовка, очевидная не только с точки зрения греческого оригинала и евангельских реалий, но и с точки зрения славянской грамматики, все же была подвергнута сомнению Э. Кленин [Klenin 1997: 116], которая предпочла *jurati in verba magistrae*, отстаивая словораздел, предложенный издательницей текста (О.А. Князевской), — даже как «hash» («испорченное место») — под тем предлогом, что прилагательное *четырьдѣньнь* неизвестно; между тем композиты со второй частью *-дѣньнь* нетрудно

лексемы из словоуказателя к Успенскому сборнику порой весьма затруднительно: так, читатель, ищущий в памятнике слова *зълѡбѣ* и *зълѡба*, на основе словоуказателя может прийти к выводу об отсутствии их в рукописи; на самом же деле эти лексемы в сборнике есть, но в указателе они запрятаны под леммами **злѡби** (!) и **злѡба**. Впрочем, ошибки встречаются и в изданиях, казалось бы, более «легких» среднерусских текстов: например, знаменитый *маишукъ*, вычлененный публикаторами «Грамоток» конца XVII в. из последовательности *зѣ Вма иштуками = съ двѣма иштуками* [Грамотки 1969: 197, 347], удостоился особой статьи в СлРЯ XI–XVII вв.

Смутные времена нашей истории (закончившиеся ли?) прошли для словаря под знаком поиска, однако не столько научного, сколько организационно-финансового. Стал активно муссироваться вопрос о переводе картотеки и словаря на электронные носители, однако поиски и у нас, и за границей щедрых и бескорыстных изготовителей микрофиш, сканированных копий карточек и т. п. обычно заводили в тупик. Приводимый в [Словарь 2001: 50–51] отчет об экспериментах с «копированием и распространением материалов Картотеки ДРС» вызывает по меньшей мере недоумение (ср.: «микрофиш до сих пор нет», «Теперь ни аппаратов для чтения, ни фирмы “Pentacta” нет», «Институт не имеет средств заплатить за эту работу»). Между тем, как утверждается в той же публикации, ЮНЕСКО более 10 лет назад предоставила отделу специальную аппаратуру для сканирования карточек — однако электронная база так и не была создана. Мало практической и еще меньше научной пользы принесла череда конференций и сборников, подготовка которых, даже сопровождавшаяся скудными грантами, не очень способствовала улучшению словарной работы, но скорее отвлекала и распыляла силы небольшого коллектива. Замедлился выход очередных выпусков, что, однако, диктовалось не повышением требований к качеству словаря, а участием сотрудников в мероприятиях и проектах, имеющих лишь косвенное отношение к словарю. Венцом этой деятельности стала затянувшаяся на несколько лет подготовка 27 выпуска, разделенного между едва ли не дюжиной авторов и редакторов, без учета их квалификации и опыта, вследствие чего том пришлось на протяжении 2003–2005 гг. снова и снова доделывать и редактировать, даже после представления в издательство.

Для Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) этапным стал 1963 год, когда завершился отбор источников и было закончено составление картотеки, включившей около 2 млн. карточек. Сотрудники словаря приступили к авторской и редакторской работе. Выход пробного выпуска [Словарь 1966] свидетельствовал, по-видимому, о том, что издание

обнаружить при обращении к [Indeks 1968: 184]: *повседньными*, *всьедньными*, *великъдньными*, *единодньными*, *шестъдньными*, — а следовательно, и образование *четырьдньнь* не представляет собой ничего

словаря должно начаться в ближайшие годы, и породил надежды на долгожданное появление «надежного исторического словаря» (ср. [Исаченко 1976: 63, 76, 80]). Однако временной интервал между подготовкой томов к печати и публикацией оказался на редкость продолжительным. В 1982 г. скончался инициатор словаря Р.И. Аванесов (впрочем, давно отошедший от редакторской работы), на посту главного редактора его сменил доктор филологических наук А.И. Горшков, потом доктор филологических наук И.С. Улукханов (1986 г.) — и лишь затем, в 1988 г., вышел I том. За ним последовали еще три тома (1989–1991 гг.), а вскоре рухнула страна и вместе с ней традиционное книгоиздательство. К концу 90-х гг. был найден новый издатель (издательский центр «Азбуковник»), однако к этому времени стало ясно, что словарь, отражающий уровень источниковедческих и лингвистических знаний начала 60-х гг., не соответствует современному развитию науки. За более чем 30 лет, прошедших от создания картотеки, ситуация в палеорусистике изменилась радикальным образом: так, если к 1963 г. в корпус источников словаря вошли чуть более 400 берестяных грамот, к концу тысячелетия их количество более чем удвоилось, а их научная интерпретация, благодаря в первую очередь работам А.А. Зализняка, значительно продвинулась; были опубликованы сотни новых древнерусских надписей (С.А. Высоцкий, А.А. Мединцева, Т.В. Рождественская, В.Л. Янин), и хотя лингвистическое качество публикаций, особенно издание надписей Софии Киевской, порой оставляло желать лучшего, они требовали лексикографической обработки. Существенно углубились представления о происхождении древнерусских текстов, для многих из них были установлены греческие источники. Кроме того, при сплошном просмотре вышедших четырех томов обнаружились, к сожалению, весьма многочисленные погрешности (ср. [Крысько 1998]): достаточно сказать, что более 420 заголовочных слов оказались ошибочными, около 200 статей следовало вообще снять, более 160 — ввести; были вскрыты — и продолжают вскрываться все новые — неточности в толкованиях, словоделении и цитировании. Приведем некоторые наиболее разительные примеры: статья **възбороти** основана на ошибочном соединении предлога *въ* с последующим существительным *съборъ* (*въ зборѣ*); на месте одной статьи **гвоздь** должно быть три — **гвоздь**, **гвоздие** и **гвоздии**, вместо **гнетати** — **гъноути**, вместо **иношь** ‘за глаза’ — **иношьда** ‘в другой раз’¹⁴, вместо местоимения **кажьнии** ‘каждый’ — причастие **кажнень** ‘казненный’; в древнерусском языке не было существительных *дагъ* и *семига* (статья **дагъ**) — при правильном словоразделе на месте сочетания «да [вм. дагомь?] же семига» появляется группа *дажесем ига* (ζυγοῖ ×μάγτι, ср. Ис 5.18: «ремнями

колесничными»), с двумя существительными среднего рода — *даго* и *уго*; должна быть снята и статья **єдиноспасьныи**, а приведенный в ней пример (с уточненным словоделением: *єдино* сп(с)ное) следует перенести в статьи **єдинѣ** и **спасьныи**; статья **извѣщѣти** на самом деле включает цитату с предлогом *из* + род. пад. *свѣщѣ* (от *свѣща*); прозвища *коуница* в материале нет — форма *о куницѣ* относится к слову *куникъ*, т. е. ‘киник, сторонник учения киников’; не существовало и прилагательного **кѣрмьчиевъ**, зато правильное словоделение *крѣмчиі вѣгласѣ* позволяет выявить прилагательное *вѣгласѣ* ‘знающий, опытный’ — кстати, правильно выделенное именно в данном контексте И.И. Срезневским; два слова со значением ‘ложка’ оказались в разных местах словаря, соответственно **ложька** (вместо правильного **лѣжька**) и **лѣжица**; при подведении греческой параллели — *ἐπιστάτης* — обнаруживается, что существительное **благочѣтъцѣ** означает не ‘чтец духовных произведений, поучительной литературы’, а ‘благочестивый человек’; слово *бровствѣ*, представленное в грамоте XIII в., не могло означать ‘старший пастор лютеранской церкви’, так как Мартин Лютер родился только в 1483 г.

Трудное и откровенное обсуждение недостатков словаря, проходившее на заседаниях словарного коллектива и редколлегии, завершилось принципиальным решением о необходимости скорейшего опубликования всех исправлений к вышедшим томам¹⁵ и внесении существенных коррективов в устаревшие принципы словаря начиная с VI тома (2000 г.). В частности, было решено расширить корпус источников за счет грамот, прежде всего берестяных, изданных после 1963 г., новооткрытых надписей, записей и вообще всех собственно древнерусских источников, введенных в научный оборот в последние десятилетия (например, Жития Андрея Юродивого [Молдован 2000]). На современный уровень источниковедческих знаний ориентируется теперь датировка памятников, уточненная согласно новейшим достижениям археографии и истории (работы В.А. Кучкина, А.А. Турилова, В.Л. Янина и др.). Существенно укрепились византинологическая составляющая издания: ко всем цитатам из переводных памятников стали систематически подводиться греческие параллели, а начиная с VII тома указываются также источники библейских цитат.

В 2003 г. два отдела Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, занимавшиеся изданием исторических словарей, были объединены в Отдел исторической лексикографии и исторической грамматики русского языка; обновлены

¹⁴ Заметим, что в издании Троицкого сборника XII–XIII вв. [Popovski, Thomson, Veder 1988: 177] словораздел не такой, как в словаре, но тоже неправильный: *и ношѣ да*.

¹⁵ Пользователи СДРЯ, обращаясь к I–VI тт., должны непременно сверяться с V, VII и VIII томами, где помещены списки исправлений (в V томе соответствующий список занял более 50 страниц).

редколлегии словарей, оба словаря возглавляются теперь одним редактором. За истекшие пять лет вышли из печати VII и VIII тома СДРЯ (буква П), 27 и 28 выпуски СлРЯ XI–XVII вв. (буква С). Наши усилия направлены на интеграцию двух лексикографических проектов, предполагающую в то же время максимальное развитие тех черт каждого из словарей, которые обеспечивают ему особое место в русской исторической лексикографии. Так, перед СДРЯ стоит задача дальнейшей интенсификации словарных изысканий, т. е. как можно более исчерпывающей подачи материала памятников, образующих корпус словаря (при ежегодном расширении этого корпуса за счет новых находок берестяных грамот), углубления семантической разработки слов, при необходимости — подробного комментирования сложных случаев (ошибок перевода, смешения лексем и т. п.). Выправление главного недостатка словаря — отказа от учета богослужебных памятников, составлявших основу книжно-письменного языка Древней Руси, — на нынешнем этапе, когда словарь дошел до середины буквы П, очевидно, нереально; представляется, однако, и желательным, и возможным отчасти восполнить это упущение, как можно более тщательно фиксируя и идентифицируя в тексте словаря цитаты из Св. Писания вместе с их греческими оригиналами.

Словарь XI–XVII вв., напротив, призван и далее развиваться по экстенсивному пути, т. е. неизменно расширять круг описываемых источников. Принципиальная открытость словаря, ориентация его на отражение как можно большего числа памятников восточнославянской письменности XI–XIV вв. и русской письменности XV–XVII вв. обуславливает возможность привлечения все новых текстов, прежде всего русско-церковнославянских. Несмотря на то, что в последних выпусках используется целый ряд дополнительных источников, СлРЯ XI–XVII вв. все еще продолжает оставаться словарем по преимуществу старорусского языка, в особенности XVII в.: крен в сторону памятников народно-разговорного языка Московской Руси, столь ощутимый в картотеке, сохраняется и в словаре. Между тем огромный массив русско-церковнославянских рукописей по-прежнему ожидает лексикографического отражения. Это относится прежде всего к богослужебной литературе, отличающейся необыкновенным лексическим богатством, которое, с одной стороны, конечно, воспроизводит словесное изобилие византийских песнопевцев, но, с другой стороны, свидетельствует о словообразовательных потенциях церковнославянского языка. Включение этой лексики в СлРЯ XI–XVII вв. полностью оправданно: будучи в основном списками с южнославянских оригиналов, богослужебные тексты столетиями бытовали на Руси, впитывали некоторые черты восточнославянской речи и иногда даже включали восточнославянскую лексику (см., например, [Крысько 2003]), их словарный состав служил к обогащению развивавшегося древнерусского литературного языка,

заимствовался и осваивался древнерусскими писателями. До самого недавнего времени, правда, тексты Св. Писания и памятники гимнографического жанра издавались крайне скудно. Однако в условиях активизации медиевистических исследований постепенно совершенствуется и лексикографическая обработка евангельских и минейных текстов [Апракос 1983; Архангельское евангелие 1997; Christians 2001; Новгородская служебная минея 2003; Ильина книга 2005], которые с каждым новым томом все шире представлены в Словаре XI–XVII вв. Работа по включению церковнославянских памятников, в том числе неизданных, в корпус источников словаря активно проводится и будет продолжаться (см., в частности, списки новых источников в 27 и 28 выпусках). Такое расширение материала должно способствовать не только обогащению наших представлений о развитии языка русской церкви и русской духовной культуры, но и реконструкции исходного состояния древнеславянского литературного языка, сохранившегося, несмотря на инославянское происхождение большинства текстов, главным образом в восточнославянской письменной традиции.

Актуальной задачей обоих словарей является повышение степени надежности представляемого в словарных статьях материала, развитие филологического подхода к цитатам, т. е., с одной стороны, максимальное обращение непосредственно к рукописным источникам (подразумевающее, в частности, сверку цитат из недостаточно авторитетных изданий и из словарей Востокова и Срезневского¹⁶), а с другой стороны — внесение в лексикографическую работу элементов критики текста с учетом рукописной традиции бытования текстов (с этой целью, например, в группе СДРЯ составлены сводные таблицы структурных соответствий между различными списками Пролога, а также Пандектов Никона Черногорца и Слов Григория Богослова). Постоянно расширяется и углубляется работа над иноязычными источниками переводных произведений: помимо традиционного для обоих словарей подведения параллелей из византийской литературы (поиск которых существенно интенсифицировался в последнее время благодаря обращению к электронному корпусу греческих текстов — *Thesaurus Linguae Graecae*), в Словаре XI–XVII вв. все большее значение приобретает поиск западноевропейских источников, например, для Вестей-Курантов (см. [Maier 1997; 2006]); неопределимую роль играет при этом развитие международных связей Отдела исторической лексикографии и исторической грамматики, проявившееся, не в последнюю очередь, во включении в редакционные коллегии обоих словарей ряда ведущих европейских специалистов. Новым в практике издания СДРЯ и СлРЯ

¹⁶ См. замечания о «фантомных» лексемах в словарях XIX в. и в изданиях, помещенные в предисловиях к ряду выпусков Словаря XI–XVII вв.

XI–XVII вв. стало редактирование (а не просто выборочный просмотр) всего текста каждого из готовящихся к печати томов главным редактором — причем редактирование как минимум двухкратное. Помимо редакторов — штатных сотрудников словарей более активное участие в редактировании принимают теперь члены редколлегий — специалисты по языкознанию, древнерусской литературе, истории, литургике.

К сожалению, общая неопределенная ситуация, сложившаяся в Академии наук и вокруг нее, не позволяет смотреть в завтрашний день с уверенностью. Старение коллектива словарников и недостаточный приток молодых сил приводят к замедлению темпов работы над словарями: в настоящее время трудно говорить об издании следующих томов чаще чем раз в два года, и на нынешнем этапе это означает, что путь от буквы С до конца буквы Я в СлРЯ XI–XVII вв. и от конца П до А — в СДРЯ потребует как минимум десяти лет неустанных трудов. Все сотрудники заняты подготовкой текущих томов, и это затрудняет как обращение к уже вышедшим выпускам с целью их исправления и пополнения, так и работу с длительной перспективой, т. е. составление и редактирование статей по последним буквам алфавита. Тем не менее определенное продвижение в обоих направлениях очевидно. Вслед за СДРЯ, где из тома в том стали печататься списки поправок к первым томам и продолжается сбор дополнений, Словарь XI–XVII вв. тоже приступил к «работе над ошибками»: первый список поправок и дополнений — к буквам А–Б — напечатан, как уже упоминалось, в приложении к 27 тому, а также в качестве отдельной тетради [Словарь 2006], в 28 выпуске публикуются исправления ко 2-му выпуску (буква В). В перспективе эта работа должна увенчаться выходом второго, исправленного и существенно дополненного издания обоих словарей, по крайней мере их первых томов (для СДРЯ — т. I–V, для СлРЯ XI–XVII вв. — вып. 1–9); речь при этом идет об издании не только в печатном виде, но и на электронных носителях¹⁷. (Заметим в скобках, что предполагавшееся в прошлом стереотипное переиздание, т. е. новое тиражирование прежних ошибок, признано недопустимым.) В целях максимально более полного учета лексики памятников, опубликованных со словоуказателями, в СлРЯ XI–XVII вв. создан Электронный сводный словник ко всем изданиям подобного рода <<http://eslovnik.ru/slovnik/web/login.jsp>>. Все шире используются в лексикографической практике электронные ресурсы Интернета, прежде всего созданные в Удмуртском университете и в Институте русского языка РАН базы данных по некоторым древнерусским источникам (<http://mns.udsu.ru/mns>), а также помещенные в Сети тексты древнерусских памятников — в частности, наборные тексты

рукописей XI в. (проект софийских русистов: <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus>) и фотокопии рукописей Троицкого собрания (на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: <http://www.stsl.ru/manuscripts>). Возобновились работы по сканированию Картотеки СлРЯ XI–XVII вв. — на сей раз собственными силами, без помощи своекорыстных доброхотов.

Исторические словари русского языка XI–XVII вв. стали своеобразным индикатором общественно-духовного состояния России XIX–XXI столетий, отражением ее трагической истории. Завершая эту статью, не хотелось бы впадать ни в пессимизм мрачных прогнозов, ни в оптимизм беспочвенных упований: проявив осторожный и здравый скептицизм, поставим в конце два знака — восклицательный для указания на проблемы и вопросительный — для обозначения дальних перспектив¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1980 — *А.А. Алексеев*. Предисловие // Соболевский А.И. История русского литературного языка / Изд. подгот. А.А. Алексеев. Л., 1980.
- Апракос 1983 — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Панкратова. М., 1983.
- Архангельское евангелие 1997 — Архангельское евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подгот. Л.П. Жуковская, Т.Л. Миронова. М., 1997.
- Ашнин, Алпатов 1994 — *Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов*. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- Бенешевич 1906–1907 — *В.Н. Бенешевич*. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1, вып. 1–3. СПб., 1906–1907.
- Виноградов 1968 — *В.В. Виноградов*. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // *Вопр. языкознания*. 1968. № 1.
- Востоков 1843 — Остромирово евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изд. А. Востоковым. СПб., 1843.
- Востоков 1858–1861 — *А.Х. Востоков*. Словарь церковнославянского языка. Т. 1–2. СПб., 1858–1861.

¹⁷ Первым шагом на этом пути является «Создание электронной информационно-поисковой системы с реализацией доступа на базе Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (проект РГНФ № 06-04-12426в, см. <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=2641>).

¹⁸ Статья написана во исполнение коллективного проекта «Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.)», поддержанного Отделением историко-филологических наук РАН (Программа фундаментальных исследований «Русская культура в мировой истории»), и коллективного проекта «Словарь русского языка XI–XVII вв.», поддержанного РГНФ (№ 07-04-00245а).

- Грамотки 1969 — Грамотки XVII — начала XVIII века / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова. М., 1969.
- Григорьев 1912 — *А.Д. Григорьев*. Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М., 1912.
- Ильина книга 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131: Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.
- Исаченко 1976 — *А. Исаченко*. [Рец.] Словарь русского языка XI–XVII вв. ... Вып. 1... Москва, 1975; Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников... Москва, 1975 // *Russian Linguistics*. 1976. Vol. 3.
- История 1998 — История русской лексикографии. СПб., 1998.
- Истрин 1893 — *В.М. Истрин*. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Истрин 1920–1930 — *В.М. Истрин*. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920; Т. 2. Пг., 1922; Т. 3. Л., 1930.
- Карский 1930 — *Е.Ф. Карский*. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.
- Кривко 2005 — *Р.Н. Кривко*. Теория критики текста и эдичионная практика: к выходу в свет нового издания *Повести временных лет* // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29, No. 2.
- Крысько 1994 — *В.Б. Крысько*. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Крысько 1998 — *В.Б. Крысько*. Поправки к I–IV томам *Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)* // *Russian Linguistics*. 1998. Vol. 22, No. 2.
- Крысько 2003 — *В.Б. Крысько*. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов: Докл. рос. делегации*. М., 2003.
- Крысько 2007а — *В.Б. Крысько*. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // *Вопр. языкознания*. 2007а. № 1. С. 103–118.
- Крысько 2007б — *В.Б. Крысько*. Русские исторические словари в кругу церковнославянских словарей // *Slavia*. 2007. R. 76, seš. 1. С. 65–71.
- Крысько, Романова, Чернышева 2006 — *В.Б. Крысько, Г.Я. Романова, М.И. Чернышева*. [Рец.] Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1: А–Бязь / Под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2004 // *Рус. яз. в научн. освещении*. 2006. № 2.

- Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006 — *А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. Прилагательные*. М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько; Т. III).
- Молдован 2000 — *А.М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000.
- Новгородская служебная минея 2003 — Новгородская служебная минея на май, XI век (Путятин минея): Текст, исследования, указатели / Подгот. В.А. Баранов, В.М. Марков. Ижевск, 2003.
- Отцы 2004 — Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004.
- Пентковский 2001 — *А.М. Пентковский. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*. М., 2001.
- Предварительный съезд 1903 — Предварительный съезд русских филологов [10–15 апреля 1903 года]: Бюллетени. СПб., 1903.
- Робинсон 2004 — *М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов)*. М., 2004.
- Русское слово 2005 — Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). СПб., 2005.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VIII. М., 1988–2008–.
- Семенов 1893 — *В.А. Семенов. Древнерусская Пчела по пергаменному списку*. СПб., 1893.
- Словарь 1966 — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1966.
- Словарь 2001 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск: История картотеки. Авторский состав. Указатель источников. Словник (обратный). М., 2001.
- Словарь 2006 — Словарь русского языка XI–XVII вв.: Дополнения и исправления. Тетрадь 1: А–Б. М., 2006.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008–.
- Соболевский 1884 — *А.И. Соболевский. Очерки из истории русского языка*. Киев, 1884.
- Соболевский 1888 — *А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка*. Киев, 1888.
- Соболевский 1897 — *А.И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода* // Тр. IX археол. съезда в Вильне, 1893. Т. II. М., 1897. С. 53–61. (То же в кн.: *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*. СПб., 1910. [Сб. ОРЯС; Т. 88, № 3]).
- Соболевский 1907 — *А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка*. 4-е изд. М., 1907.
- Соболевский 1914 — *А.И. Соболевский. Памяти А.Х. Востокова* // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. АН. 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 119–130.

- Соболевский 1960 — Докладная записка А.И. Соболевского о составлении словарей древнерусского и старорусского языка // *Вопр. языкознания*. 1960. № 2.
- Соболевский 2006 — *А.И. Соболевский*. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В.Б. Крысько. М., 2006.
- Срезневский 1863 — *И.И. Срезневский*. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1863.
- Срезневский 1867–1881 — *И.И. Срезневский*. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // *Сб. ОРЯС*. 1867, 1874, 1876, 1879, 1881. Т. 1, 12, 15, 20, 22.
- Срезневский 1882 — *И.И. Срезневский*. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение. 2-е изд. СПб., 1882.
- Срезневский 1893–1912 — *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III и Дополнения. М., 1893–1912.
- Срезневский 1959 — *И.И. Срезневский*. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
- Столярова 2000 — *Л.В. Столярова*. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.
- Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- Цейтлин 1958 — *Р.М. Цейтлин*. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М., 1958.
- Шахматов 1885–1895 — *А.А. Шахматов*. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // *Исследования по русскому языку*. СПб., 1885–1895. Т. I. С. 131–285.
- Шахматов 1903 — *А.А. Шахматов*. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- Шахматов 1915 — *А.А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1957 — *А.А. Шахматов*. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Ягич 1886 — *И.В. Ягич*. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
- Alberti 2005 — *A. Alberti*. Il Codice Uspenskij: Analisi della struttura e riflessioni critiche // *Studi slavistici*. 2005. Vol. II.
- Christians 2001 — Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch — griechisch — deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch — slavisch / Bearb. von D. Christians. Wiesbaden, 2001.
- Hock 1986 — *W. Hock*. Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik. München, 1986.
- Indeks 1968 — Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968.

- Keenan 1978 — *E.L. Keenan*. [Rec.] S.G. Barkhudarov et al., eds., Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.: Fasc. I–IV, Index of Sources // *Kritika: A review of current Soviet books on Russian history*. 1978. Vol. XIV, No. 1.
- Klenin 1997 — *E. Klenin*. [Rec.] Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994 // *Russian Linguistics*. 1997. Vol. 21, No. 1.
- Lunt 1979 — *H.G. Lunt*. [Rec.] Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. ... Vypusk 3...; Vypusk 4... Moskva, 1976, 1977 // *Language*. 1979. Vol. 55, No. 4.
- Maier 1997 — *I. Maier*. Verbalreaktion in den «Vesti-Kuranty» (1600–1660): Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittelfrussischen Syntax. Uppsala, 1997.
- Maier 2006 — *I. Maier*. Verbalreaktion in den «Vesti-Kuranty» (1600–1660). T. 2: Die präpositionale Reaktion. Uppsala, 2006.
- Miklosich 1850 — *F. Miklosich*. Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. Vindobonae, 1850.
- Miklosich 1862–1865 — *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Popovski, Thomson, Veder 1988 — *J. Popovski, F.J. Thomson, W.R. Veder*. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergijeva lavra) N 12): Text in transcription // Полата књигописна. 1988. № 21–22.